

Много позже Линь Цинсун вспомнил, что в самую первую их встречу во взгляде Жэнь Цзысянь читалось вовсе не восхищение красотой, а тоска по долгожданной встрече после разлуки... Двойные замены, у обоих за плечами богатая история чувств, оба чисты душой.

Так, баловство одно.

Жэнь Цзысянь сидела в чайной, а сидевший напротив проектный менеджер соловьем заливался, тыкая в контракт и уговаривая ее:

— Госпожа Жэнь, если вы лишь дадите нам разрешение использовать ваши исследования в фармацевтике, любые ваши требования будут исполнены! — Менеджер утирал холодный пот, отчаянно пытаясь удержать клиента.

Однако Жэнь Цзысянь явно витала в облаках. Ее точеные пальцы перебирали бусины из красного агата, внимание вовсе не принадлежало контракту, а взгляд то и дело скользил мимо бамбуковой шторы на мужчину за соседним столом.

Линь Цинсун обладал прекрасной внешностью: соболиные брови, звезды вместо глаз, гордая осанка. Стоило ему надеть костюм, как многие юные девы украдкой бросали на него застенчивые взгляды.

Жэнь Цзысянь тихонько усмехнулась. Что может быть неловчее, чем случайно столкнуться со своим покровителем?

В этот момент лицо Линь Цинсона озаряла улыбка победителя, он о чем-то увлеченно рассуждал, судя по всему, еще не заметив ее.

Пора было уходить. Жэнь Цзысянь поднялась:

— Полагаю, продолжать разговор нет нужды.

Сидевший напротив человек внутренне похолодел. В панике вскочив на ноги, он попытался что-то сказать, но услышал, как Жэнь Цзысянь продолжает:

— Решено. В понедельник я приеду к вам в компанию для подписания контракта.

Партнер по переговорам на мгновение замер, а затем пришел в дикий восторг. Он уже и не надеялся на успех и никак не ожидал, что Жэнь Цзысянь согласится так легко. Торопливо заискивая, он сыпал любезностями и со всеми возможными почестями проводил ее до выхода.

Линь Цинсун, беседовавший с улыбкой со своим собеседником, почувствовал неладное, поднял взгляд и как раз встретился глазами с Жэнь Цзысянь.

Она отчетливо видела удивление в его глазах. Ее миндалевидные глаза изогнулись в улыбке, она чуть приподняла брови, окинула Линь Цинсона взглядом и повернулась, чтобы уйти.

И хотя это казалось мимолетным, случайным взглядом, плавный изгиб ее глаз заставил сердце Линь Цинсона дрогнуть.

Динь-дон — на телефон Линь Цинсона пришло сообщение.

[Жэнь Цзысянь: Придешь сегодня вечером?]

Маленькая лисица, — мысленно усмехнулся Линь Цинсун.

Проснувшись от легкого тумана в голове, Жэнь Цзысянь пошевелила ослабевшими руками, и вместе с пробуждением по телу прокатилась тупая боль.

Линь Цинсун после долгого перерыва заглянул к ней домой, и они предавались страсти допоздна.

Кажется, он еще что-то говорил... Жэнь Цзысянь приподнялась, потирая слегка нившую поясницу, и неспешно оделась и умылась.

Не успела она решить, что приготовить на завтрак, как в дверь постучали.

На пороге стоял Ван Ци, помощник Линь Цинсона.

— Шеф велел мне помочь вам с переездом, — с порога заявил он.

Ах да, точно. Прошлой вещьром Линь Цинсун говорил, чтобы она перебиралась в его особняк.

Ван Ци окинул женщину оценивающим взглядом. Все говорят, что миндалевидные глаза чисты и прозрачны, а когда их обладатель смотрит на кого-то с нежностью, это неизменно пробуждает в чужом сердце трепет.

Но за взглядом Жэнь Цзысянь всегда будто залегал тонкий слой льда, скрывавший весеннюю воду в ее глазах.

— Простите, — голос Жэнь Цзысянь казался напоенным мягкой влагой южных рек. — Я еще не собралась, подождите немного, пожалуйста.

Ван Ци невольно сбавил тон:

— Шеф велел ничего с собой не брать, мы всё для вас подготовим.

— Но мне нужно разобрать еще много материалов.

Жэнь Цзысянь вежливо пригласила Ван Ци войти, усадила его и даже заварила чашку зеленого чая:

— Я быстро.

Попивая чай, Ван Ци внимательно разглядывал эту женщину. Он прослужил около двух лет личным секретарем Линь Цинсона и видел разных женщин, которых тот содержал: одни становились заносчивыми и властными, другие — тревожными и мнительными.

Однако Жэнь Цзысянь ничуть не изменилась из-за Линь Цинсона.

Возможно, Линь Цинсун предложил ей переехать в свой особняк лишь из сиюминутной прихоти, но как бы то ни было, это шанс.

Если Жэнь Цзысянь проявит сообразительность и ухватится за эту возможность, то, пожалуй, действительно сможет в один миг взлететь и стать госпожой Линь.

Жэнь Цзысянь в кабинете разбирала свои материалы по истории искусств, аккуратно и

тщательно раскладывая всё по порядку и подписывая ярлыками.

Она выглядела занятой, но в ее движениях не было ни малейшей суеты, а каждый жест приковывал взгляд своей грацией.

Для такого человека, как Жэнь Цзысянь, занимающегося исследованиями по реставрации культурных реликвий в Яньском университете, любые материалы или средства на исследования одобрялись по одному лишь слову шефа.

А она думала только о своих документах, ведя себя так, будто совершенно не осознавала, какую влиятельную опору заполучила — опору, способную вознести ее к вершинам успеха.

Пока Ван Ци предавался праздным мыслям, диван качнулся, и к нему подпрыгнула маленькая собачонка с длинной белой шерсткой, с любопытством разглядывая гостя.

— Как зовут песика? Сколько ему лет? Какой он милый.

Ван Ци протянул руку, чтобы собака обнюхала ее, и та послушно и ласково лизнула его пальцы.

— Спасибо. Его зовут Сяо Гуй. Ему четыре года, — ответила Жэнь Цзысянь сухо и четко, вылитый студент-естественник.

— Сяо Гуй? Маленький призрак?

Жэнь Цзысянь покачала головой:

— Сыны неба пользовались девятью треножниками и восемью ритуальными сосудами гуй, удельные князья — семью треножниками и шестью гуй, сановники высшего ранга — пятью треножниками и четырьмя гуй, а чиновники низшего ранга — тремя треножниками и двумя гуй. Гуй — это и ритуальная утварь, и утварь для еды.

— Эм... — шутливо протянул Ван Ци. — Разве не жутковато держать дома ритуальную утварь? А вдруг и впрямь призраков накликаешь?

Жэнь Цзысянь вытерла руки, подошла, потрепала Сяо Гуя по голове и тихо произнесла:

— Если удастся призвать призрака, которого очень хочешь увидеть, это было бы неплохо.

То ли слова Жэнь Цзысянь повеяли таким холодом, то ли по какой-то другой причине, но Ван Ци на мгновение растерялся и не нашелся что ответить.

— У меня очень много материалов, так что извините за хлопоты.

Жэнь Цзысянь подхватила Сяо Гуя на руки и покинула квартиру, в которой прожила четыре года.

В вещах Жэнь Цзысянь оказалось совсем мало одежды, зато чайный сервиз был бережно упакован в четыре больших ящика.

Когда Жэнь Цзысянь прибыла на новое место, как раз пришло сообщение от Линь Цинсона.

[14:03]

[Линь Цинсун: Нравится новый дом?]

[Жэнь Цзысянь: Нормально.]

После этого прошло полдня, но Линь Цинсун так и не ответил.

Жэнь Цзысянь отправила еще одно сообщение.

[17:43]

[Жэнь Цзысянь: Я приготовила кашу с абалонами.]

[Жэнь Цзысянь: Зайдешь поесть?]

Ван Ци помогал Жэнь Цзысянь с обустройством. Поскольку Линь Цинсун лично отдал распоряжение оказать ей помощь при переезде, он не смел относиться к поручению спустя рукава.

— Почему у тебя столько материалов по микробиологии?

Жэнь Цзысянь обернулась и ответила:

— До того как сменить специализацию, я изучала микробиологию в Фэнцзинском университете.

— Ничего себе, я слышал, на микробиологии в Фэнцзине учиться невероятно трудно, — проникся уважением Ван Ци. — Выходит, твой переход на археологию — это переход с точных наук на гуманитарные? Успеваешь за программой?

— Профессора помогают, так что терпимо, — добавила пару слов Жэнь Цзысянь. — Хотя догонять остальных всё же довольно тяжело.

Археология оказалась слишком идеалистичной специальностью — настолько идеалистичной, что за ней не было видно будущего.

Кроме высокого слова мечта, у нее не было никакой опоры.

В этот момент позвонил Линь Цинсун:

— Каша с абалонами? Решила меня отравить? Кто тебя разозлил?

Тон был легким, шутливым, в нем не слышалось злости, однако от этих слов у Ван Ци затылок покрылся мурашками.

Жэнь Цзысянь сначала растерялась, но, заметив внезапно переменившееся лицо Ван Ци, вспомнила: она перепутала, Линь Цинсун ведь страдает аллергией на морепродукты.

— Ничего особенного, просто Сяо Гуй никак не привыкнет к переезду.

Мягким голосом солгала Жэнь Цзысянь, и в каждом ее выдохе чудилось кокетство.

Линь Цинсун дернул за узел галстука и с легким смешком произнес:

— Тогда я захвачу ему каких-нибудь лакомств, может, удастся его задобрить?

Говоря о том, чтобы задобрить Сяо Гуя, он на самом деле имел в виду саму Жэнь Цзысянь.

— А что ты будешь ужинать сегодня? Я приготовлю.

— Еще не решил, — ответил Линь Цинсун. — Не факт, что заеду к тебе, не жди меня.

С этими словами он повесил трубку, судя по всему, он был действительно очень занят.

Заблокировав экран, Жэнь Цзысянь повернулась к Ван Ци с тем же вопросом:

— Будете ужинать здесь? Я приготовлю.

Куда уж Ван Ци разделять трапезу на тех же условиях, что и шеф, — он поспешно откланялся.

В десять часов вечера Линь Цинсун, заявивший, что еще ничего не решил, все же толкнул дверь квартиры Жэнь Цзысянь.

Крепко спавшая Жэнь Цзысянь оказалась прижата тяжестью его тела, а ее запястье, свисавшее с края кровати, было перехвачено и зажато в большой ладони.

— Уснула? — Линь Цинсун понизил голос.

Жэнь Цзысянь покорно и мягко захныкала, приподнялась и в темноте наощупь попыталась найти выключатель, но Линь Цинсун удержал ее.

Легкие, невесомые поцелуи опустились на ее шею, и Жэнь Цзысянь тихонько застонала:

— Не балуйся, ты ужинал?

— Спи давай, я сам что-нибудь перекушу, — Линь Цинсун приподнялся, видя, как сильно она измотана.

Прошлой ночью толком не выспалась, сегодня еще и переезд — в такой момент положено валиться с ног от усталости.

Однако Жэнь Цзысянь тоже приподнялась на локтях, сонно опушив веки, и сладко зевенула.

Линь Цинсун не удержался, притянул ее к себе и впился в губы долгим поцелуем.

Жэнь Цзысянь не стала сопротивляться, напротив — обвила его руками, полностью отдаваясь во власть этого прикосновения.

Ее взгляд постепенно прояснялся, загораясь жарким, обжигающим огнем.

Мягкое, податливое тело доверчиво прижалось к груди Линь Цинсона, кончики ее пальцев едва заметно дрожали.

Жэнь Цзысянь прикусила его губу и соблазнительным, полным тайного смысла движением слегка провела по ней языком.

В ее глазах плескалась такая густая, откровенная любовь, что у Линь Цинсона защемило сердце.

То, как Жэнь Цзысянь смотрела на него... слишком знакомо.

Дыхание смешалось между губами, и Жэнь Цзысянь протянула руку, закрывая ему глаза ладонью.

Когда поцелуй наконец завершился, Линь Цинсун был уже на грани возбуждения. Он отнял ее руку от своего лица:

— Почему ты вечно не позволяешь мне смотреть на тебя?

— Не хочу, чтобы ты смотрел, — хмыкнула Жэнь Цзысянь, и голос ее прозвучал донельзя мягко. — Я приготовила еду, будешь ужинать?

И действительно, на обеденном столе стояли еще теплые блюда: тушеные свиные ребрышки в соусе, хрустящая свинина в кисло-сладком и пара закусок, к которым явно никто не притрагивался. — Разве ты не говорил, что не обязательно придешь? — Линь Цинсун посмотрел на Жэнь Цзысянь, который подавал ему палочки и чашку, все еще будучи в пижаме. — Ты ел?

Жэнь Цзысянь покачал головой:

— Я ждал твоего возвращения.

Линь Цинсун с аппетитом ел домашнюю еду, приготовленную Жэнь Цзысянем. Ее нельзя было назвать изысканным деликатесом, но она невероятно возбуждала аппетит.

Не успел он доест, как директору Линю позвонили и срочно вызвали.

Люлифан был баром, который открыл на паях друг детства Линь Цинсуна Су Е, и они всегда собирались именно там.

— Тебе хорошо, дядя с тетей не лезут в твои дела, можешь развлекаться на воле как душе угодно, — с легкой завистью произнес Су Е. — То ли дело я, еще позавчера из-за этого бара со стариком поругался.

— Кто просил тебя открывать бар? Займись ты чем-нибудь нормальным, и слова бы никто не сказал, — вмешалась Тан Вань, их общая подруга детства, с которой они росли вместе.

— Разве Линьская Собака занимается чем-то нормальным? — Су Е хлопнул рукой по столу. — У кого из приличных людей на стороне постоянные любовницы? Я-то слышал, он поселил ее на той вилле в Цзиньхае — настоящее золотое гнездышко для красавицы!

— Как думаешь, когда мы в следующий раз увидим эту малышку, нам придется переименовать обращение и звать ее не иначе как невесткой? — Су Е строил заговорщическую рожицу.

— Я и не думал относиться к этому серьезно, — изрек Линь Цинсун. — Просто здесь так удобнее.

— Но ведь те, кого ты содержал раньше, все как на подбор были похожи на Цзянь Фаншу, а эта выглядит совсем иначе...

Линь Цинсун бросил на него небрежный взгляд, и Су Е тут же умолк.

Каждый получает то, в чем нуждается.

Цзянь Фаншу была его обратной стороной, к которой никто не смел даже подступаться, а тем более упоминать всуе.

Она была полностью под стать своему имени: Цзянь Фаншу словно яркое утреннее солнце освещала сумрачную первую половину жизни Линь Цинсуна.

Держалась непринужденно и открыто, ослепительно прекрасная — кто бы отказался от такой девушки?

Они с Линь Цинсуном были знакомы с пеленок, росли вместе.

Линь Цинсун всю свою нежность изливал на нее, и в университете они положили конец своим долгим десятилетним тайным чувствам, завязав бурный и страстный роман.

Тот период времени, ту любовь находили восхитительной даже наблюдавшие со стороны Тан Вань и Су Е.

Однако перед самым окончанием университета Цзянь Фаншу решительно бросила Линь Цинсуна и в одиночку уехала за границу.

И хотя истинных причин не знал никто, эти друзья детства отлично понимали: корень зла крылся в самом Линь Цинсуне, иначе этот тип давно бы помчался за ней следом в Швейцарию.

Су Е боялся поднимать эту тему еще и потому, что все эти годы, с кем бы ни встречался Линь Цинсун, в каждой из них проглядывала тень Цзянь Фаншу.

Такие же длинные волосы, такие же брови и глаза, такой же лучезарный нрав...

Линь Цинсун, подобно изнемогающему от жажды страннику, отчаянно искал отражение Цзянь Фаншу, но при этом страдал удивительной безразличностью, словно гордый феникс, что не станет пить из любого источника.

Он тратил баснословные суммы на эти призрачные подобию, похожие на Цзянь Фаншу, но при этом никогда не вступал с ними в интимную связь.

Словно пытаясь назло Цзянь Фаншу изображать хранящего верность целомудренного мужчину.

— Хватит на него пялиться, столько лет прошло, пора бы уже отпустить, — Тан Вань опустила бокал на стол. — Если тебе так невтерпех, поезжай в Швейцарию и найди ее, к чему плодить здесь столько двойников и устраивать показательные мучительные драмы для кого?

— Сахарная Конфетка права, старик, — подхватил Су Е, — если ты до сих пор не забыл Цзянь Фаншу, возвращай ее, пока не поздно, не дожидись, пока у нее появится кто-то другой, а ты потом локти кусай.

Видимо, слова Су Е задели его за живое, и Линь Цинсун поднялся из-за стола, чтобы выйти покурить.

— Посмотри на него, у него вечно этот характер, — пожаловался Су Е Тан Вань, а затем резко сменил тему: — Но знаешь, я правда чувствую, что Линь Цинсун остепенился. С этой любовницей он уже почти два года не расстается.

— Наверное, на работе завал, было некогда, — равнодушно бросила Тан Вань.

— Вполне возможно, из-за той истории с его младшим братом... — Су Е покосился на дверь, Линь Цинсун еще не вернулся. — Короче говоря, забот у него по горло, так что неудивительно,

что руки не доходили.

Младший брат Линь Цинсуна, Линь Сюэди, вопреки всем запретам уперся и решил изучать археологию, но четыре года назад на раскопках произошел несчастный случай, унесший его жизнь.

Из-за этого весь груз ответственности рухнул на плечи Линь Цинсуна. Так что вполне могло быть и так, что у него попросту не оставалось времени на поиски новой пассии.

Но интуиция подсказывала Су Е, что все не так просто:

— Разве нормальный мужик станет забрасывать развлечения? Чую, тут дело нечисто.

— Главное, сам не нарывайся, — покосилась на него Тан Вань. — Если Линьская Собака решит тебя прикончить, я с радостью подам ему нож.

Вышедший подышать свежим воздухом Линь Цинсун щелкнул зажигалкой, закуривая сигарету, чтобы привести мысли в порядок.

Тан Вань впервые за долгое время заговорила о Цзянь Фаншу, затянув его обратно в топкое болото воспоминаний, тянувших ко дну.

Линь Цинсун вовсе не считал, что завел любовницу из-за неспособности отпустить прошлое — в конце концов, свет клином на ком-то одном не сошелся.

А если все его пассии и напоминали Цзянь Фаншу, то лишь потому, что он изначально питал слабость к подобному типу людей.

Жэнь Цзысянь задержалась рядом с ним дольше остальных исключительно потому, что влюбилась в него с первого взгляда да к тому же отличалась послушанием.

Линь Цинсун познакомился с Жэнь Цзысянь на аукционе антиквариата.

Сам он к предметам старины был равнодушен, но светские рауты требовали обязательного присутствия.

А Жэнь Цзысянь оказалась там в качестве стажерки, пришедшей со знакомым антикваром.

В тот момент она стояла в самом углу, одетая в поблекшую рубашку и заурядный строгий костюм. Без единой капли косметики на лице, она выглядела растерянно, точно случайно забредший на банкет крольчонок.

Стоило же окруженному всеобщим вниманием Линь Цинсуну переступить порог, как бесстрастные глаза Жэнь Цзысянь мгновенно вспыхнули ярким светом.

И Линь Цинсун заметил ее практически в тот же миг: высокая фигура, пара огромных миндалевидных глаз, в упор уставившихся на него.

В этом пылающем взгляде таилась такая страсть, что у Линь Цинсуна на мгновение перехватило дыхание.

Ему еще никогда не доводилось встречать столь дерзких девиц, и он с усмешкой и вызовом посмотрел в ответ.

Однако Жэнь Цзысянь вовсе не смутилась и не отвела глаз — напротив, с восторгом сделала пару шагов вперед, пока спутник не удержал ее за рукав.

Линь Цинсун тогда подумал, что на этом все и закончится, но уже на следующий день обнаружил Жэнь Цзысянь поджидающей его у машины.

На ней было белое платье, легкий, непривычный для нее макияж, а в глазах сияло чистое ожидание. Тонкое запястье украшало бросающееся в глаза ожерелье из красного агата.

Разговаривая с ним, она слегка дрожала, называла его господином и спрашивала, не составит ли он ей компанию за бокалом вина.

Было очевидно, что она собрала всю волю в кулак, поджидая его в одиночестве. Линь Цинсуну это показалось забавным:

— А ты понимаешь, что значит выпить со мной?

Жэнь Цзысянь смотрела на него так пристально, будто погрузилась в транс, и лишь спустя несколько долгих секунд тяжело кивнула.

Линь Цинсун медленно приближался к ней, словно охотничий барс, но при этом оставляя жертве достаточно времени для побега.

Жэнь Цзысянь опередила его, обвила руками его шею и прижалась к губам.

Неумело, но с невероятным жаром.

Поддавшись какому-то странному порыву, Линь Цинсун оставил ее подле себя — и удерживает по сей день.

Жэнь Цзысянь не была похожа на Цзянь Фаншу, но этот горящий взгляд — копия той самой страсти, да и каждое движение выдавало нечто неповторимо родное.

Это заставляло всегда соблюдавшего правила Линь Цинсуна раз за разом преступать собственные границы.

Отбросив остатки былой нежности к Цзянь Фаншу, всю свою жестокость он выплескивал на Жэнь Цзысянь.

А на следующий день велел отправить ее в больницу, бросив вслед карточку со средствами — так они закрепили свои отношения.

Честная сделка.

По крайней мере, Линь Цинсун искренне в это верил.

Последние несколько лет как государство, так и простые граждане уделяли колоссальное внимание культурному экспорту, поэтому вопросы раскопок и охраны исторических реликвий приобрели первостепенную важность.

Проводимая властями политика открывала широкие возможности, позволяя крупным корпорациям поддерживать возрождение факультетов по реставрации древностей.

И поскольку общественный запрос был высок, количество студентов, выбирающих профильные

специальности, побило все мыслимые рекорды.

В студенческой среде даже ходила поговорка: на севере — Фэнцзин, на юге — Яньский.

Фэнцзинский университет и Яньский университет практически на равных делили между собой всех абитуриентов, поступавших на направления, связанные с культурным наследием.

Будучи древней столицей сменивших друг друга династий, Фэнцзин мог похвастаться не только старой, проверенной годами школой реставрации, но и преимуществом близости к первоисточникам, дававшим студентам больше возможностей для практики.

Яньский же университет мог опереться на авторитет профессора Мо Вэня — бесспорного светила в сфере реставрации древностей. А благодаря щеливаниям инвесторов и правительства в новые технологии и оборудование, им удавалось успешно внедрять методы реставрации в самые разные сферы.

Можно сказать, что именно Яньский университет вдохнул новую жизнь в эту узкоспециализированную отрасль, превратив реставрацию древностей в свою визитную карточку.

Наступила полная полудня тишина. Отработав все утро, аспиранты в лаборатории заметно устали.

Реставрация артефактов — дело физически тяжелое, бьющее по спине, рукам и мозгам.

Любая оплошность в работе с руками недопустима, для предотвращения ошибок требуется предельная концентрация.

Профессор Мо Вэнь прохаживался по лаборатории:

— Если боитесь работать с подлинником, потренируйтесь сначала на подделках. Хватит лезть к оригинальным вещам нахрапом, бездумно задевая руки.

Старшие товарищи по лаборатории не смели расслабляться, действуя с еще большей осторожностью.

Заложив руки за спину, профессор Мо медленно обошел помещение и заметил в углу Жэнь Цзысянь:

— Почему это ты снимаешь белую бумагу?..

Его голос постепенно затих, и остальные студенты тоже обернулись в их сторону. Нахмурившись, профессор Мо строго спросил:

— Кто из вас разрешил ей счищать белую бумагу?

В просторной лаборатории воцарилась абсолютная тишина, пока одна из старшекурсниц в очках испуганно не пискнула:

— Вы же сами ей велели...

Профессор Мо на мгновение опешил, но тут же вспомнил:

— Ты та студентка, которую прислал профессор Юй?

Хотя это звучало как вопрос, память уже восстановила картину.

Месяц назад.

Жэнь Цзысянь впервые увидела профессора Мо Вэня на его лекции, где он как раз разбирал тему различий между методами реставрации на Востоке и Западе.

<http://bllate.org/book/22422/2354184>